

социально-психологический шок, что резко ухудшилась жизнь людей, участились межэтнические конфликты, появилось напряжение с диаспорами из ближнего зарубежья и др. Но значит ли это, что граждане отрекаются от исторической России, что русские «устали от державной мощи», желают вкусить вожаделенные блага какой-нибудь крошечной нации-государства наподобие Швейцарии?

Жизнь свидетельствует, что к началу 10-х гг. у народов РФ и, прежде всего, у русских действительно снизилась ностальгия по огромной стране; они не сожалеют о мелочной регуляции государством повседневной жизни советского человека (хотя остается запрос на жесткую длань, карающую преступников, мздоимцев); население уже не испытывает психологического давления замкнутых на себя этнокультурных общностей, порой враждебных иноэтническим соседям по лестничной площадке. Те советские этносы, которые радовались распаду СССР теперь осваивают самостоятельное развитие, в современной России оцениваются как «иные», а порой и как «чужие». Вместе с тем русские и русскоязычные анклавы в постсоветских странах (это не только непризнанные республики, но и население областей Украины, борющееся за то, чтобы остаться с Россией) могут рассчитывать на реальную помощь, сочувствие и культурную поддержку граждан РФ.

Противоречивые сдвиги в стране и общественном сознании вынуждают российских граждан задуматься, на каких духовных и политических основах следует строить завтрашнюю Россию, чтобы не разрушить ее исторического облика, сохранить в условиях глобальной неустойчивости ее смысловую матрицу, которая позволит преодолевать хаотизированные процессы, гармонизировать отношения народов и стран в северной части Евразии. Для всех очевидно, что в стране ныне продолжают развиваться сообщества, разные по численности, этнорасовой принадлежности и верованиям; их совокупная доля среди населения достаточно высока, чтобы признать: российская культура продолжает развиваться в трансформированных условиях. Многие из нерусских этносов